

Библиотека как культурный феномен

A Library as a Cultural Phenomenon

Бібліотека як культурний феномен

С. Г. Матлина

Российская государственная библиотека, Москва, Россия

Slava Matlina

Russian State Library, Moscow, Russia

С. Г. Матліна

Російська державна бібліотека, Москва. Росія

Культурно-философский, феноменологический анализ современной библиотеки, преимущественно публичной. С учётом двойственного характера её развития выявлены основные противоречия, а также принципы деятельности, позиционирующие библиотеку как уникальный социокультурный институт.

Makes a cultural, philosophical and phenomenological analysis of a modern library, public library mainly. The duality of its development allows for formulating the main controversies and the principles of activity that position the library as a unique socio-cultural institution.

Культурно-філософський, феноменологічний аналіз сучасної бібліотеки, переважно публічної. З урахуванням подвійного характеру її розвитку виявлені основні протиріччя, а також принципи діяльності, що позиціонують бібліотеку як унікальний соціокультурний інститут.

Феноменология (от греч. *phainomenon* – являющееся, *logos* – учение) – методологическая позиция. В самом общем смысле она выясняет, *как нечто мыслится, какой смысл и почему в это нечто вкладывается*. В понимании Э. Гуссерля она описывает *двойственный характер «жизненного мира»* как основания всякого знания и его возможных модификаций, беря за основу *двойственность самого сознания*. Отсюда ориентация на *метод антиномий*, который через противоречивый характер явления или процесса более глубоко выявляет их сущности. Поскольку «жизненный мир» постоянно меняется, то феноменология как *субъективное, личностное знание*, становится универсальным инструментом, позволяющим систематически пересматривать науки.

Одна из задач библиотечной феноменологии – уход от бинарного, двухполюсного сознания, существования в режиме «или-или». Его проявление можно увидеть на примере фетишизации информационной функции публичной библиотеки (ПБ), повсеместно наблюдаемой в последние годы. Следствием чего стало отстранение ПБ от традиционных просветительских задач, которые не одно столетие обеспечивали её уникальность, способность выживать и развиваться даже в самых трудных исторических условиях.

О том, что это тупиковый путь, свидетельствует опыт зарубежных библиотек- США и Западной Европы, которые развиваются как полистилистические институты. Они преодолевают функциональные границы, очерченные конкретным социальным институтом. Одновременно используют различные формы передачи знаний и организации досуга, информирования и общения, сочетая в «одном флаконе» библиотеку, музей, театр, картинную галерею, кафе, концертный зал и т. п. Аналогичную тенденцию сегодня воплощают и отечественные ПБ инновационных моделей.

Содержательно- смысловую структуру ПБ как культурного феномена отличает *системно-троичный характер*, что соотносится не только с общеизвестной гегелевской тринитарной традицией, но и подтверждается исследованиями современных культурологов и философов. Выражением этой триады становится направленность ПБ на *созидание духовных ценностей, их воспроизводство и сохранение* (именно в данной последовательности), а не только на их сохранение и трансляцию, как постулирует библиотековедение.

Внутри названной триады постоянно возникают *оппозиционные пары- антиномии*. В первую очередь, это противоречие между *сохранением и созиданием*, т. е. между традициями и безогляд-

ным желанием *создавать и вос – производить*. В другой интерпретации данное положение может оцениваться как поиск баланса между *стабильностью* (консерватизмом) – и *изменчивостью*, т. е. адаптивностью к социокультурным изменениям. Такой поиск чреват драматическими коллизиями на макро- и микро-уровнях: люди жаждут изменений- мир, лишенный новизны, превращается в механическую жизнь. Но – как показывает опыт последнего десятилетия, налицо социальная усталость от нового. «Нельзя жить в вечно новом мире, в нем исключена категория опыта» (К. С. Юсупов)

Логически связана с данной антиномией другая коллизия. Имеется в виду *ситуативность библиотечной деятельности*, и как следствие, её ярко выраженная синергетическая, творческая по сути природа. В первую очередь, она проявляет себя в ходе обслуживании пользователей. С другой стороны, налицо – *ритуализированный характер* многих библиотечных процессов. Он проявляет себя в конкретных ситуациях: библиографическом описании, при каталогизации, классификации, разработке и использовании программных продуктов etc.

Но это лишь поверхностный взгляд на библиотечные ритуалы. Их роль трудно переоценить, поскольку они обеспечивают *упорядочивание* как важнейшее свойство ПБ. В *тотальном упорядочивании*, свойственном библиотечной профессии (как и музейщикам, архивистам, педагогам-хранителям культурной памяти, а также учителям, осознающим Миссию передачи знания), имеется доля нерационального, неосознанного противостояния миру хаоса. Данное качество особенно ярко проявляется в экстремальных ситуациях, обусловленных войнами, пожарами, затоплениями и пр.

Упорядоченность проявляет себя также как стремление к *полноте*, созданию *объемной картины мира*. В то же время на другом полюсе мы видим неизбежную *мозаичность, отсутствие целостности*. Преодолеть это противоречие традиционными средствами- с помощью депозитариев и репозитариев; системы МБА; корпоративных проектов по созданию электронных каталогов и полнотекстовых баз данных etc. не удаётся.

Эволюционный рост сложности различных систем вынуждает заменить понятие *полноты* на *целостность*. Как и в живом мире, в культуре *полнота недостижима*, а свойственная целостности мягкость необходима. Применительно к ПБ целостность предполагает *не количественную величину ресурсов*, но создание с их помощью *научного представления о мире*. Решить эту труднейшую задачу можно только комплексом средств. Один из выходов – структурировать неупорядоченное личностное знание. Допустим, использовать Интернет в синтезе с дифференцированным чтением, где одним из проверенных временем инструментов выступает библиография или её электронные аналоги.

Или совершенствовать систему непрерывного дополнительного образования, в ходе которого отдельные «культурные инъекции» заменяют системным знанием. Еще один инструмент – сетевой принцип организации, в частности, путём создания научных школ с их соединением синхронного и диахронного принципов, а также неverified формами передачи знаний → из рук в руки».

Среди других принципиальных противоречий, вызывающих споры как профессионалов, так и общественности, назовём *ориентацию ПБ на «высокую» культуру* и одновременно *воспроизводство лучших образцов культуры «массовой»*.

Массовая культура реализует *принцип дополнительности*, когда нехватка информации в одном канале связи с избытком заменяет ее в другом. Её социальные смыслы в том, что она демократична, занимательна и в лучших своих образцах становится «мостиком» к культуре высокой. Высокая – образ вторичный или по Ю. М. Лотману «вторично-моделирующая система». Но именно она за счет накопления духовных ресурсов, как правило труднодоступных, требующих больших затрат энергии, приводит человека к росту «вверх».

Роль библиотекаря-медиатора, ищущего баланс между «высоким» и «низким», сегодня, очевидно, состоит в умении подводить пользователя к самостоятельному, осознанному ценностному выбору. Необходима разработка новых – с учётом сегодняшних реалий, методик культуротворческой деятельности ПБ, и как её составной части, продвижения чтения.

К вышеназванной оппозиции логически примыкает противоречие между свойственной ПБ традицией оперировать (со времен Гуттенберга) *тиражированными источниками информации* и тенденцией *развивать отдельные части своих ресурсов как уникальные*. Хотя традиция была до

некоторой степени условной: даже в крупных муниципальных библиотеках функционировали отделы рукописей, редкой и ценной книги, специализированные фонды. Применительно к современной ПБ это свойство побуждает к поиску собственной идентичности, непохожести на аналоги, к тому же становится одним из побудительных мотивов создания инновационных моделей. Показательны в данном случае, библиотеки-музеи, в том числе мемориальные библиотеки, собирающие и экспонирующие наряду с антикварными книгами уникальные коллекции предметов, экслибрисов, гравюр.

На перекрёстке названных оппозиций рождается *библиотечная мифология*, которая отражая реальность, по-своему «замещает» её. Это, например, наивная вера в исключительность нашей профессии, которая воплощает интеллектуальное начало, высокую мораль («бедные, но честные») etc. Или фетишизация возможностей компьютера, тем более Интернета, освоение которого якобы снимет почти все профессиональные проблемы. Сюда же можно отнести присущее даже новым поколениям библиотекарей уверенность в своём праве поучать, воспитывать, «облагораживать» читателя.

Стремление уйти от унификации, определило ещё одну тенденцию развития библиотеки, которую можно определить как персонализацию. Проявляет она себя по-разному: помимо вышеназванных примеров назовём также обретение имени как символа и бренда. Имя ПБ в таком контексте способствует её самоидентификации, позволяет не только вырваться из безликого ряда существующих под номерами учреждений, но и предопределить таким образом стратегию своего развития.

Преодолеть смыслы, лежащие на поверхности, способствовать феноменологической рефлексии, помогает анализ *основных принципов* деятельности ПБ. От привычного функционального взгляда его отличает философско-антропологический дискурс, в основе которого лежит приоритет ценностно –и -лично ориентированного подхода. В отдельности каждый из принципов (а их перечень выборочен и субъективен), – не является уникальным, присущим конкретному социально-культурному институту. Но именно их сочетание позволяет рассматривать ПБ как феномен культуры.

На первое место мы ставим *демократизм*, считая его своего рода *интегральной характеристикой* ПБ. Её отличает отсутствие всевозможных цензов: по политическому, религиозному, возрастному, имущественному, профессиональному, образовательному и прочим признакам. Помноженный на универсальный характер ресурсов, демократизм обычно выражают известной формулой «всё для всех».

Демократизм ПБ во многом осуществляется благодаря её *открытости и доступности*. Осмысляя эти как будто бы хорошо знакомые всем профессионалам взаимосвязанные принципы, предостережем от упрощения. Открытость несводима к охвату всех слоёв населения, равно как доступность не идентична организации доступа к информационным ресурсам.

Открытая, или следуя метафоре английского библиотековеда Б. Ашервуда, «прозрачная библиотека», предполагает партнёрские отношения с различными слоями населения, доверительные и искренние контакты с пользователями, регулярные публичные отчёты перед общественностью, на средства которой она существует etc. И конечно, это нацеленность на предвосхищение всех системы культурно-информационных ожиданий пользователей – реальных и потенциальных, а не только удовлетворение потребностей. Т. е. работа в опережающем, а не догоняющем режиме, «открытость будущему».

Доступность библиотеки коррелируется с понятием «свобода». Имеются в виду интеллектуальная свобода, точнее *свобода творчества*. При этом подразумевается реализация права пользователя на *творческий выбор*, идёт ли речь о поисках нужного издания или поведенческом сценарии в библиотеке. Утверждая право на такой выбор – посетить читальный или концертный зал; предпочесть спектакль Театра Книги посещению абонемента; «шумную» игровую зону рекреации, где можно уединиться с книгой или побыть наедине со своими мыслями, мы вспоминаем также об одном из важных принципов обслуживания – *комфортности*.

Еще один принцип, позволяющий говорить о демократизме ПБ, обусловлен её *аксиологической природой*. Вопрос о ценностной основе библиотечной рекомендации, на протяжении столетия связываемый с теорией руководства и как следствие, методикой обслуживания, обострился в эпоху Интернета. Общество всё чаще осознаёт как необходимость *отбор и оценку информации*: не только

с позиции функциональности, например, релевантности запросов, но и этических, правовых, эстетических и других требований.

При всей спорности вопроса о формах «ограничительства» со стороны ПБ, не наступая на старые идеологические «грабли», нельзя забывать о сверхзадаче нашей профессиональной деятельности – защите культуры как сферы ценностей, вне которой существование человека перестает быть человеческим. Сегодня все чаще вспоминают сформулированное А. Леви-Строссом определение культуры как системы табу. Выше на примере оппозиции массовая/элитарная, низкая/высокая культура мы уже показали неслучайный характер отбора и оценки культурных артефактов, долгие годы составлявших основу аксиологической природы библиотечного просветительства.

Таким образом, в начале третьего тысячелетия появляется потребность в реинтерпретации просветительских традиций ПБ. Сегодня они рассматриваются не в идеологическом аспекте, как десятилетия назад, но в контексте *социальной ответственности библиотеки и библиотекаря*.

Просветительские традиции ПБ, её демократизм в сегодняшнем понимании реализуются через – *диалогичность*. Это еще один важный принцип работы ПБ. С легкой руки М. М. Бахтина диалог утверждается как *ключевое слово* современной культуры. К элементам библиотечного диалога относят также *юмор, иронию, самоиронию* инструментарий, применение которого позволяет говорить об овладении ПБ стилистикой «смеховой культуры» (по М. М. Бахтину). Данная стилистика преобразует различные стороны жизнедеятельности ПБ, от издательской до выставочной работы и массовидных форм, оказывает влияние на формирование мифологии библиотеки – составной части её истории. В этом смысле ждёт своего исследователя феномен библиотечного анекдота- знаковой системы, интерпретация которой – с учётом коммуникативной природы ПБ, способна выявить глубинные пласты профессиональной жизни.

Смеховая культура является частью «игровой стихии», также ставшей культурным инструментом современной библиотеки. Циклическая логика развития культуры, одновременное воспроизводство традиций «высокой» и «массовой» культуры приводит ПБ к воссозданию игрового наследия в различных его формах: в виде балов, салонов, литературно-музыкальных гостиных, с одной стороны и фольклорных театральных жанров – балагана, вертепа, колядований – с другой.

Все эти формы в разной степени ориентированы на создание ситуации *праздника*, противостоящего «социальной усталости» людей, выступающего средством их релаксации. Игра, и как часть её праздник, придаёт библиотечной деятельности *иную событийность*, связанную с остротой переживания. Вспоминается формула поэта Д. А. Пригова: «Существует то, что остро переживается».

Еще одним фактором событийности библиотечной деятельности становится её особая *метафоричность*. Из фигуры украшения метафора становится инструментом создания нового образа, текстом, задающим *новый ритм* развития. Отсюда определение стратегии работы ПБ как череды логически сменяющих друг друга проектов, использование рекламных методов, опора на зрелищность, яркие дизайнерские решения. Весь названный выше инструментарий или как их называют, *новые гуманитарные технологии*, воплощают сегодняшнюю библиотечную феноменологию.

Овладение такими технологиями отражает объективную потребность в появлении нового типа библиотекаря. Он просвещает, развлекает, утешает, и одновременно играет. Его можно назвать *человеком выдумывающим*, или по Й. Хейзинге *homo ludens*, уходящим от обыденности и таким образом, *творящим культуру* во всём её многообразии.

Итак феноменология библиотеки – это в первую очередь феноменология креативной, талантливой Личности сотрудника библиотеки. Творчество само по себе является феноменом.